

УЖАСТИКИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ЛЕГЕНДАРНОЙ
СЕРИИ

Р. Л. СТАЙН

Игра
в невидимку

Ужастики Р. Л. Стайна

Роберт Стайн

Игра в невидимку

«Издательство АСТ»

1993

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Стайн Р. Л.

Игра в невидимку / Р. Л. Стайн — «Издательство АСТ»,
1993 — (Ужастики Р. Л. Стайна)

ISBN 978-5-17-112586-8

ИСЧЕЗНОВЕНИЯ БЫВАЮТ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫМИ... В свой день рождения Макс находит на чердаке необычный подарок — волшебное зеркало, способное делать человека невидимым. Макс и его друзья затевают игру в невидимку: «Вот меня видно, а вот не видно». Все это ужасно забавно и интересно. Но постепенно Макс понимает, что теряет контроль над волшебством. С каждым разом он остается невидимым все дольше и дольше. Игра в невидимку обернулась опасной забавой. Неужели Макс и его друзья останутся невидимыми навечно?

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-112586-8

© Стайн Р. Л., 1993
© Издательство АСТ, 1993

Содержание

1	6
2	10
3	12
4	14
5	16
6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Р. Л. Стайн

Игра в невидимку

R. L. Stine
Let's Get Invisible!

* * *

The Goosebumps book series created by Parachute Press, Inc.

Copyright © 1993 by Scholastic Inc. All rights reserved. Published by arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA. GOOSEBUMPS, [] and logos are trademarks and/or registered trademarks of Scholastic Inc.

Печатается с разрешения издательства Scholastic Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © 1993 by Scholastic Inc. All rights reserved

© Т. Покидаева, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

1

В первый раз я стал невидимым, когда мне исполнилось двенадцать. Да-да. Только исполнилось. Это случилось как раз в мой день рождения. И не без помощи Беляша. Беляш – это мой пес. Обычный дворняга, наполовину терьер, наполовину вообще непонятно кто. Он весь черный, и мы, ясное дело, назвали его Беляшом.

Если бы Беляш не отрыл эту дверь на чердаке...

Но я лучше начну сначала.

Мой день рождения был в субботу. Весь день, как назло, шел дождь. Гости должны были заявиться с минуты на минуту, и я как раз готовился к их приходу. Подготовка моя состояла в том, чтобы как следует причесаться.

Мой братец всегда надо мной издевается. Говорит, что я, будто девчонка, вечно торчу перед зеркалом и причесываюсь.

А все дело в том, что волосы у меня действительно отменные. Очень густые и необычного цвета. Золотисто-каштанового. И еще они выются. В общем, волосы – это самое лучшее, что у меня есть. И мне нравится, когда они в полном порядке. Поэтому я причесываюсь так часто.

И потом, у меня очень большие уши. Торчат, словно два лопуха. И я прикрываю их волосами. Чтобы их не было видно. А то мне стыдно ходить лопухим. Нет, правда.

– Макс, у тебя волосы сзади свалились, – съехидничал Левша, встав у меня за спиной, когда я причесывался перед зеркалом в прихожей.

Вообще-то его зовут Ноа, но я называю его Левшой. Потому что он единственный левша в нашей семье. Итак, Левша стоял у меня за спиной и ловко подкидывал мячик. Естественно, левой рукой. Родители запрещают ему играть мячом дома. Боятся, что он обязательно что-нибудь разобьет. Но он все равно их не слушается.

Левша младше меня на два года. В принципе, он неплохой парень. Но уж слишком непоседливый. Вечно он играет со своим мячом, барабанит ладонями по столу, носится как угорелый, натывается на что ни попадя, падает, лезет ко мне бороться. Ну в общем, вы поняли, что я имею в виду. Папа говорит, что у Левши в одном месте шило. Выражение грубоватое, но меткое. Братцу подходит как нельзя лучше.

Я вывернул шею, стараясь разглядеть в зеркале свой затылок.

– Ничего они не свалились, чего ты врешь! – возмутился я.

– Проверка реакции! – крикнул Левша и швырнул мне мяч.

Я попытался схватить его и промазал. Мяч ударился в стену как раз под зеркалом. Мы с Левшой замерли, затаив дыхание. Мяч ударился с таким грохотом, что мама никак не могла его не услышать. Но она не услышала. Наверное, была на кухне. Чего-то там делала с моим праздничным тортом.

– Бестолочь, – зашипел я на Левшу, – ты же чуть зеркало не угрохал.

– Сам ты бестолочь, – огрызнулся он.

И так всегда.

– Вот если б ты его кинул правой рукой, я бы наверняка поймал.

Мне нравится дразнить брата и напоминать ему о том, что он левша. Его это по-настоящему бесит. К самому прозвищу он привык и не воспринимает его как насмешку. Но если упомянуть нечто такое просто в разговоре, сразу же обижается.

– Вонючка ты, вот ты кто, – пробурчал он, поднимая мяч с пола.

Я уже привык к его ругательствам. Он обзывается по сто раз в день. «Вонючка» – его любимое слово. Он, наверное, думает, будто это очень умно. Для десятилетнего пацана он парень вполне ничего, но его словарный запас явно не на высоте.

– И уши у тебя торчат, – добавил он.

Я знал, что он врет. Ничего они не торчали. Я же видел себя в зеркале. Я уже собирался ответить братцу по полной программе, но тут в дверь позвонили.

Мы с ним бросились наперегонки по узкому коридору.

– Эй, сегодня мой день рождения! – напомнил ему я.

Но он первым добежал до входной двери и открыл ее.

На пороге стоял Зак, мой самый лучший друг. Он пулей влетел в дом. Дождь на улице лил как из ведра, и Зак уже успел промокнуть.

Он вручил мне подарок, завернутый в серебристую бумагу, на которой переливались мелкие капельки дождя.

– Это комиксы, – сообщил он. – Целый набор. Я уже все прочитал. Там есть пара книг про космических рейнджеров. Крутая вещь, вот посмотришь.

– Спасибо, – отозвался я. – Они вроде не очень намокли.

Левша вырвал у меня подарок и убежал вместе с ним в гостиную.

– Только не вздумай его открывать! – заорал я ему вслед.

Он ответил, что не собирается ничего открывать, а просто положит подарок на стол, куда мы будем складывать все остальные подарки.

Зак снял кепку с названием его любимой футбольной команды. И тут я увидел его новую стрижку.

– Ух ты! Какой-то ты стал... другой... – Я бесперемонно уставился на его прическу. Над левым ухом волосы были выстрижены почти под ноль, а остальные – достаточно длинные – зачесаны направо.

– Ты приглашал кого-нибудь из девчонок? – спросил он. – Или будут одни ребята?

– Девочки тоже будут. Эрин и Эйприл. И еще, может, Дебра придет, моя двоюродная сестрица. (Я знал, что Заку нравится Дебра.)

Он задумчиво кивнул. Зак вообще выглядит жутко серьезным. У него такие маленькие голубые глазки с вечно отсутствующим выражением, и поэтому у людей складывается впечатление, что Зак всегда пребывает в глубокой задумчивости. Якобы он весь из себя мыслитель.

Вообще-то он интересный парень. Спокойный, как слон. Но иногда его заносит. Он просто помешан на том, чтобы всегда и во всем быть первым. Если кто-то его превзойдет хоть в чем-то, он начинает беситься и пинать стулья ногами. Наверняка вам знакомы такие ребята.

– А что мы будем делать? – спросил Зак, стряхивая капли дождя со своей кепки.

Я пожал плечами.

– Вообще-то нам выделили место на заднем дворе. Папа утром натянул волейбольную сетку. Но это было еще до дождя. Я кассет набрал в прокате. Может, посмотрим видик.

В дверь позвонили. Левша возник рядом с нами, словно из воздуха материализовался. Он распахнул нас с Заком и бросился открывать дверь.

– Ой, это вы, – разочарованно буркнул он.

– Спасибо за теплый прием, – услышал я писклявый голос Эрин.

Кое-кто из ребят обзывает ее Мышкой. Именно за ее тонкий голос. И еще потому, что она маленькая, как мышка. У Эрин короткие светлые волосы. И вообще она симпатичная. То есть это я так считаю, но – ясное дело – никому об этом не говорю.

– Мы можем войти? – Я узнал голос Эйприл.

Эйприл тоже моя одноклассница, как и Эрин. У нее черные кудрявые волосы и карие глаза, большие и печальные, как у Бэмби. Раньше я думал, что ей и вправду все время грустно, но потом я сообразил, что она просто стеснительная и застенчивая.

– А праздник на завтра назначен, – нахально заявил им Левша.

– Как?! – удивленно воскликнули обе девочки.

– Это он шутит! – выкрикнул я, выходя в прихожую. Я отпихнул Левшу в сторону, освобождая девчонкам дорогу. – Вы же знаете, какой он у нас шутник, – добавил я, прижимая брата к стене.

– Левша и вправду большой шутник, – сказала Эрин.

– А вы две дуры, – не остался в долгу Левша.

Я еще сильнее надавил на брата, как будто действительно собирался размазать его по стенке. Но он вывернулся и умчался в глубь дома.

– С днем рождения! – Эйприл тряхнула волосами, с которых посыпались капли воды. Она вручила мне подарок, завернутый в цветную бумагу с рождественскими картинками. – У меня только такая бумага нашлась, – объяснила она, заметив мой озадаченный взгляд.

– И тебе тоже счастливого Рождества, – пошутил я.

Судя по форме подарка, это был компакт-диск.

– А я забыла подарок, – сказала Эрин.

– Какой хоть подарок? – спросил я, проходя следом за девочками в гостиную.

– Не знаю. Я его еще не купила.

Левша выхватил у меня подарок Эйприл и положил его на столик в углу рядом с подарком Зака.

Эрин уселась на белый кожаный диван. Эйприл встала у окна, задумчиво глядя на дождь.

– Сейчас все соберутся, и мы пойдем во двор жарить сосиски на углях, – сказал я.

– Вернее, вымачивать их в воде, – отозвалась Эйприл.

Левша встал за диваном и вновь принялся подкидывать свой мяч.

– Уйди оттуда, пока торшер не разбил, – предупредил его я.

Он, как всегда, пропустил мои слова мимо ушей.

– А кто еще придет? – спросила Эрин.

Я не успел ей ответить – в дверь опять позвонили. Мы с Левшой рванули в прихожую. Он споткнулся, наступив на свой развязавшийся шнурок, и проехался пузом по полу. Как всегда.

К половине третьего собрались все гости, в общем пятнадцать человек. И началось веселье. То есть тогда еще оно не началось, потому что мы никак не могли решить, что будем делать. Я хотел посмотреть по видеку «Терминатора». А девчонки хотели играть в вопросы и ответы.

– Но это же мой день рождения! – ненавязчиво напомнил я.

В конце концов мы пришли к соглашению. Сначала немножечко поиграли в вопросы и ответы, потом начали смотреть «Терминатора». А потом нас позвали к столу.

Это был замечательный день рождения. Я думаю, что никто не скучал. Под конец даже Эйприл развеселилась. Обычно на всех вечеринках она тихонько сидит в уголке с каким-то испуганным видом.

Левша, конечно же, пролил кока-колу на скатерть. А праздничный торт ел руками, потому что решил, что так будет забавнее. Но он был один такой маленький свинтус.

Я ему прямо сказал, что он здесь присутствует лишь потому, что он мой родной брат и его просто некуда больше деть. В ответ он разинул рот, демонстрируя всем собравшимся пережеванный кусок шоколадного торта.

Потом я посмотрел все подарки и мы сели досматривать «Терминатора». Но тут все резко засобирались домой. Было еще не поздно, наверное, часов пять. Но из-за дождя казалось, что на улице уже ночь.

Родители были на кухне, мыли посуду после нашего пиршества. Все ушли. Остались только Эрин и Эйприл. Они дожидались мамы Эрин. Она обещала за ними заехать, но позвонила и сказала, что немного задерживается.

Мы сидели в гостиной. Беляш ни с того ни с сего подбежал к окну, положил передние лапы на подоконник и залился истошным лаем. Я подошел посмотреть, что там такое. Ничего

интересного на улице я не увидел. Там было пусто и пасмурно. Я взял песика на руки и оттащил его от окна.

– Пойдемте ко мне в комнату, – предложил я, когда мне наконец удалось успокоить эту невменяемую собаку. – У меня есть новая компьютерная игрушка. Говорят, классная. Но я ее еще не пробовал.

Эрин и Эйприл охотно меня поддержали. Им почему-то не нравился «Терминатор». Девчонки, что с них возьмешь?!

Мы поднялись на второй этаж. В коридоре было темно, хоть глаз выколи. Я хотел включить свет, но лампочка не загорелась.

– Перегорела, наверное, – сказал я.

Моя комната находится в самом дальнем от лестницы конце коридора. Нам пришлось пробираться туда на ощупь. В кромешной тьме.

– Как-то здесь жутко, – тихо проговорила Эйприл.

И в эту самую секунду дверь в кладовую с грохотом распахнулась, и оттуда вывалилась какая-то темная фигура, которая с оглушительным ревом набросилась прямо на нас.

2

Девочки заверещали от ужаса. Ревущее «страшилище» обхватило меня за талию и повалило на пол.

– Левша, отпусти меня! – Я не на шутку взбесился. – Это не смешно!

Он хохотал как сумасшедший. И был ужасно доволен своей идиотской шуткой.

– Как я вас напугал! – заливался он смехом. – Напугал!

– И вовсе мы не испугались, – с жаром проговорила Эрин. – Мы сразу поняли, что это ты.

– А чего ж вы тогда вопили? – спросил Левша.

Эрин гордо промолчала.

Я сбросил брата с себя и поднялся на ноги.

– Дурацкие у тебя шутки, Левша.

– И долго ты нас поджидал в кладовой? – спросила Эйприл.

– Долго.

Он хотел встать, но тут на него налетел Беляш и принялся с остервенением облизывать ему лицо. Левше было щекотно. Он захохотал и повалился на спину.

– Ты и Беляша напугал, – сказал я.

– Ничего я его не напугал. Беляш умнее всех вас. – Левша оттолкнул Беляша.

Беляш отбежал к двери напротив кладовой и принялся шумно ее обнюхивать.

– А эта дверь куда ведет, Макс? – спросила Эрин.

– На чердак.

– У вас есть чердак? – воскликнула Эрин. Я так и не понял, чему она так обрадовалась.

Ну чердак и чердак. Подумаешь, большое дело.

– А что там? Я *обожаю* чердаки, – продолжала Эрин.

Нет, все-таки девчонки – странные существа. Разве можно *обожать* чердаки?!

– Да всякий хлам, что остался от бабушки с дедушкой, – сказал я, пожимая плечами. – Сначала это был их дом. Папа с мамой хранят там всякое старье. Мы редко туда поднимаемся. Что там делать?

– А можно пойти посмотреть? – спросила Эрин.

– Можно, конечно, – ответил я. – Но только там нет ничего интересного.

– Я обожаю старые вещи! – Эрин едва не прыгала от счастья.

– Но там так темно... – прошептала Эйприл.

Мне показалось, что ей было немножко страшно.

Я открыл дверь и протянул руку к выключателю. На этот раз свет зажегся. Там, наверху. Бледный, размытый свет, который с трудом доходил до подножия крутой деревянной лестницы.

– Вот видишь? Там есть свет, – сказал я Эйприл и направился вверх по лестнице. Старые ступеньки скрипели у меня под ногами. Моя тень на стене была длинной и четкой. – Ну что, вы идете?

– Мама Эрин сейчас приедет, – сказала Эйприл.

– Да мы только на пару минуточек. – Эрин легонько подтолкнула Эйприл к лестнице. – Пойдем.

Беляш тоже увязался за нами. Вернее, он побежал вперед, возбужденно виляя хвостом и стуча когтями по деревянным ступенькам. Где-то на середине лестницы воздух стал сухим и горячим, как в сушилке.

Я первым поднялся на чердак и остановился у лестницы, оглядываясь по сторонам. Чердак представлял собой одну здоровенную комнату, больше похожую на широченный коридор и заваленную старой мебелью, картонными коробками, кипами старой одежды, сломанными

удочками и целыми стопками пожелтевших от старости журналов – иными словами, тем старым хламом, который обычно хранится на чердаках.

– Ух ты, пылью пахнет и заплесневелым деревом! – Эрин прошла мимо меня и остановилась, глубоко вдыхая воздух. – Я обожаю этот запах!

– Ты действительно странная, – сказал я ей. Дождь барабанил по крыше. Его шум отдавался в комнате непрерывным грохотом. Впечатление было такое, что мы стояли прямо под водопадом.

Мы разбрелись по чердаку. Левша сразу нашел себе развлечение: принялся перекидывать свой софтбольный мяч через балки на потолке и ловить его, не давая упасть на пол. Я заметил, что Эйприл ни на шаг не отходит от Эрин. Беляш что-то вынюхивал у дальней стены.

– Тут, наверное, полно мышей, – заявил Левша с ехидной ухмылочкой. Я заметил, как Эйприл в ужасе распахнула глаза. – Откормленных, жирных мышей, которые обожают набрасываться на девочек.

У моего младшего братца извращенное чувство юмора.

– Может, пойдем уже вниз? – Эйприл нетерпеливо шагнула к лестнице.

– Ты посмотри, старые журналы мод! – воскликнула Эрин, не обращая внимания на подругу. Она вытащила из стопки один журнал и принялась с интересом его перелистывать. – Ничего себе. Вот же люди одевались прикольнo.

– Эй... а что это Беляш там делает? – вдруг всполошился Левша.

Я проследил за взглядом брата. Из-за горы картонных коробок виднелся лишь хвост Беляша. Хвост бешено мотался из стороны в сторону. Было слышно, как песик с остервенением скребет какую-то деревяшку.

– Беляш, ко мне! – приказал я.

Естественно, он меня не послушался. Он стал скрести еще энергичнее.

– Беляш, чего ты там роешься?

– Наверное, мышь почуял, – заметил Левша.

– Я иду вниз! – решительно заявила Эйприл.

– Беляш! – вновь позвал я и направился к нему, пробираясь сквозь завалы всякого хлама. Подойдя ближе, я увидел, что Беляш скребется у какой-то двери.

– Эй, идите сюда, – окликнул я остальных. – Беляш нашел потайную дверь.

– Круто! – Эрин первой подбежала ко мне. Левша и Эйприл отстали буквально на шаг.

– А я и не знал, что здесь есть какая-то дверь, – сказал я.

– Интересно, а что там за дверью? – настропалилась Эрин. – Давайте посмотрим.

И вот тогда-то все и началось.

Все наши беды.

Теперь вам понятно, почему я вначале сказал, что во всем виноват Беляш? Если бы эта дурная собака не принялась вынюхивать и скрестись, мы бы, скорее всего, никогда не нашли ту дверь в потайную комнату на чердаке.

И мы никогда не узнали бы тот волнующий – и ужасный – секрет, что скрывался за той деревянной дверью.

3

– Беляш! – Я встал на колени и оттащил песика от двери. – Что там у тебя, собачка?

Как только я оттеснил Беляша подальше от подозрительной двери, он сразу же утратил к ней интерес и побежал обнюхивать совершенно противоположный угол. Вот этим собаки и отличаются от людей. Собаки вообще ни на чем не зацикливаются, а людей вечно тянет довести начатое до конца.

Дождь продолжал барабанить по крыше. На улице завывал ветер. Это была настоящая весенняя непогода. Хорошо еще, что не было грозы.

Дверь была заперта на проржавелую задвижку. Задвижка открылась на удивление легко. Дверь сама приоткрылась со скрипом.

Я заглянул туда. За дверью была абсолютная, непроницаемая темнота.

Я взялся за ручку, но не успел еще приоткрыть дверь и наполовину, как Левша проскользнул внутрь и скрылся во тьме.

– *Тут мертвец!* – завопил он дурным голосом.

– Не-е-ет! – в один голос воскликнули Эрин и Эйприл, подскочив от страха.

Но я-то знал все дурацкие шуточки моего брата.

– Мне уже страшно, Левша, – сказал я и шагнул через порог.

Разумеется, никакого мертвеца там и в помине не было.

Я осмотрелся. Это была маленькая комнатуха без окон, освещенная бледным светом, который доходил сюда с чердака.

– Открой дверь пошире, чтобы было светлее, – сказал я Эрин. – А то здесь ни фиги не видно.

Эрин распахнула дверь до конца и подперла ее картонной коробкой. Потом они с Эйприл осторожно вошли в полумрак маленькой комнатухи.

– Вряд ли это кладовка, уж слишком она большая, – заметила Эрин, и мне показалось, что голос у нее стал еще пискливее. – Интересно, что здесь было?

– Обычная комната, – отмахнулся я и пошел в глубь комнаты.

Мои глаза еще не привыкли к тусклому свету, но я все равно разглядел размытую фигуру, которая шагнула мне навстречу.

Я вскрикнул и отскочил.

Незнакомец тоже отпрыгнул назад.

– Это же зеркало, дурья твоя башка! – расхохотался Левша.

И тут рассмеялись уже все. Только смех получился каким-то слишком нервным.

Там действительно было зеркало. Теперь я его разглядел. Большое прямоугольное зеркало в раме из темного дерева, укрепленной на низком столике.

Я подошел ближе. Навстречу мне из зазеркальных глубин вышло мое отражение. Удивительно, но оно было четким. На стекле – ни одной пылинки. Хотя в эту комнату уже давно никто не заходил.

Я встал перед зеркалом и провел пятерней по волосам, поправляя прическу.

В конце концов, зеркала для того и сделаны, чтобы в них смотреться.

– Кто, интересно, поставил здесь это зеркало? И почему только одно зеркало? – спросила Эрин.

Я видел в зеркале ее смутное отражение. Она стояла почти у меня за спиной. Буквально в нескольких шагах.

– Может, это какая-нибудь ценная вещь, старинная? – Я полез в карман за расческой. – Этот... как его... Антиквариат.

– А кто его сюда затащил? Твои папа с мамой? – спросила Эрин.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Может быть, дедушка с бабушкой? Я правда не знаю.

– Может, пойдем отсюда? – предложила Эйприл. Она так и стояла на пороге, не решаясь войти в сумрачную комнатушку.

– А вдруг это зеркало из комнаты смеха? – Левша бесцеремонно отпихнул меня в сторону и принялся корчить рожи своему отражению, едва не касаясь носом стекла. – Ну, такое смешное кривое зеркало, в которое когда смотришься, у тебя туловище получается как репа.

– У тебя и так туловище как репа, – буркнул я, отталкивая брата от зеркала. – Голова-то уж точно как репа.

– А ты дурак и вонючка, – не остался в долгу Левша.

Я повнимательнее пригляделся к своему отражению в зеркале. Отражение как отражение. Вполне нормальное. И ни капельки не искаженное.

– Эйприл, не стой на пороге, – попросил я. – Ты мне весь свет загораживаешь. Лучше иди сюда.

– Давайте уже пойдем, – захныкала Эйприл, но все-таки оторвалась от дверного проема и шагнула в глубь комнаты. – Ну подумаешь, старое зеркало. Что в нем такого уж интересного?

– Эй, посмотрите! – Я указал пальцем на подвесную лампу, прикрепленную к верху рамы.

Я ее только что заметил. Овальная лампа. То ли из меди, то ли из какого-то другого металла. Внутри абажура – узкая длинная лампочка, похожая на лампу дневного света, только покороче.

– А как, интересно, она включается? – Я запрокинул голову, пытаюсь разглядеть в полутьме выключатель.

– Там какая-то цепь, – заметила Эрин, подходя ближе.

И точно. Справа от лампы свисала тонкая металлическая цепочка.

– Попробуем включить? – предложил я.

– Наверняка там лампочка перегорела, – заявил Левша.

За что я его люблю, так это за то, что он непрошибаемый оптимист.

– Вот заодно и проверим.

Я потянулся к цепочке. Она была так высоко, что мне пришлось встать на цыпочки.

– Осторожнее, – предупредила Эйприл.

– А чего осторожничать? – удивился я. – Это ж обычная лампа.

Потом оказалось, что я произнес исторические слова.

Я попробовал схватить цепочку, но промахнулся. Попытался еще раз. На этот раз я дотянулся до нее и дернул.

Свет зажегся ослепительной вспышкой. Потом он слегка потускнел и стал нормальным. Очень белый, холодный и яркий свет, отразившийся в зеркале слепящим пятном.

– Ну вот, так-то лучше, – заявил я. – Теперь все видно. Хорошая лампочка, яркая. Правда?

Мне никто не ответил.

– Я говорю: яркая лампочка.

Левша и девчонки молчали.

Я обернулся к ним и увидел, что всех троих буквально перекосило от ужаса. Я уже ничего не понимал.

– Макс, ты где? – Голос у Эрин дрожал. Она повернулась к Эйприл: – Куда он делся?

– Да вот же я, здесь, – сказал я. – Я и с места не сдвинулся.

– *Но мы тебя не видим!* – воскликнула Эйприл со слезами в голосе.

4

Они все смотрели на то место, где я стоял себе преспокойненько, но где, как они утверждали, меня не было. Физиономии у них у всех были действительно уморительные. В глазах – неподдельный страх. Губы дрожат. Но я-то знал, что они надо мной издеваются.

– Ладно, ребята, кончайте. Я не такой дурак, каким кажусь. Хотите меня разыграть? Придумали бы что-нибудь поумнее.

– Но, Макс... – растерянно промямлил Левша. – *Мы не шутим!*

– Мы тебя не видим! – повторила Эрин.

Полный идиотизм.

И вдруг у меня стало резать глаза. То ли мне показалось, то ли свет действительно стал ярче. Лампа светила мне прямо в лицо.

Я прикрыл глаза ладонью и потянулся к цепочке, чтобы выключить свет.

Свет погас, но у меня перед глазами продолжали плясать белые блики. Я отчаянно заморгал, но блики остались. Из-за этих белых пятен я вообще ничего не видел.

– Эй, ты вернулся?! – заорал Левша не своим голосом. Он подлетел ко мне, схватил мою руку и вцепился в нее с такой силой, как будто хотел убедиться, что я – это я настоящий, а не какое-нибудь привидение или дух.

– Не смешно, Левша! – Я с раздражением вырвал у него руку. Эта идиотская шутка уже начинала меня бесить. – Я не попался на этот дурацкий розыгрыш. Так что кончай придуриваться.

Однако Левша не отцепился. Он снова схватил меня за руку, как будто боялся, что я исчезну, если он не будет меня держать.

– Мы не шутили, Макс. Правда. – Голос у Эрин дрожал. – Мы действительно тебя не видели.

– Это, наверное, из-за света, – сказала Эйприл. Она стояла у самой двери, вжавшись спиной в стену. – Он был слишком ярким. Свет отразился в зеркале, и получилась такая оптическая иллюзия.

– Никакая это была не оптическая иллюзия, – с жаром проговорила Эрин, оборачиваясь к подруге. – Я стояла вот здесь, рядом с Максом. И я его не видела.

– Он стал невидимкой, – серьезно добавил Левша.

Я рассмеялся:

– Вы что, ребята, сговорились меня напугать? У вас это здорово получается.

– Это *ты* нас напугал! – Левша отпустил мою руку и подошел вплотную к зеркалу.

Я проследил за его взглядом.

– Вот он я, пожалуйста. – Я указал на свое отражение в зеркале. Волосы у меня на макушке стояли торчком. Я аккуратно пригладил их пятерней. Лень было лезть за расческой.

– Пойдемте отсюда, – захныкала Эйприл.

Левша принялся подкидывать в руке softball-мяч, не сводя глаз со своего отражения в зеркале.

Эрин обошла зеркало сзади. Оно стояло не вплотную к стене, и его можно было обойти.

– Здесь вообще ничего не видно, – объявила она, выходя к нам и задирая голову к лампочке, расположенной на верхней перекладине рамы. – Ты исчез, когда потянул за цепочку.

– Так вы что, серьезно?

Только теперь до меня начало доходить, что они, может быть, и вправду не шутили.

– Ты стал невидимым, Макс. – Теперь голос Эрин звучал спокойнее. – Бамц – и все, тебя нет.

– Точно-точно, – кивнул Левша, продолжая подкидывать мячик и изучать себя в зеркале.

– Просто оптическая иллюзия, – продолжала настаивать Эйприл. – И чего вы все так всполошились, не понимаю!

– Это была не иллюзия! – горячо возразила ей Эрин.

– Он включил свет. И пропал в белой вспышке, – поддержал ее Левша. И уронил мяч. Мяч упал на пол и закатился за зеркало.

Левша пару секунд постоял в нерешительности, но потом все же шагнул в темноту между стеной и зеркалом.

– Ты действительно был невидимкой, Макс, – заявил он, возвращаясь с найденным мячиком.

– Да, – подтвердила Эрин, внимательно глядя на меня.

– Докажите, – сказал я им.

– Пойдемте отсюда! – Казалось, Эйприл сейчас разревется. Она уже стояла в дверях, перешагнув через порог.

– А как, интересно, мы это докажем? – спросила Эрин, обращаясь к моему темному отражению в зеркале.

– Повторите мой подвиг.

– То есть как – повторите? – Эрин обернулась ко мне настоящему.

– А вот так, – сказал я. – Теперь давай ты сделайся невидимкой.

Эрин и Левша уставились на меня, как на последнего идиота. У Левши даже челюсть отвисла.

– Тупость какая-то, – проговорила Эйприл у нас за спиной.

– Давай я исчезну. – Левша шагнул к зеркалу.

Я схватил его за плечи и оттащил назад.

– Нет. Ты еще маленький.

Он попытался вырваться, но я держал его крепко.

– Ну что, Эрин, попробуешь? Или боишься? – поддразнил ее я, стараясь удержать Левшу, который продолжал вырываться с завидным упорством.

Она пожала плечами.

– Да нет, не боюсь.

Левша неожиданно перестал вырываться. Я даже немного ослабил хватку.

Затаив дыхание, мы наблюдали за тем, как Эрин встала перед зеркалом. Из сумрачной глубины зеркала ей навстречу шагнуло ее отражение. Пару секунд Эрин настоящая и Эрин в зеркале пристально изучали друг друга.

Потом Эрин встала на цыпочки, подняла руку и ухватила за цепочку. Она обернулась ко мне и улыбнулась:

– Ну, поехали.

5

Цепочка выскользнула у нее из руки.

Она снова взялась за цепочку.

И уже собиралась дернуть, как вдруг из коридора снизу донесся женский голос:

– Эрин! Ты где? Эйприл!

Я узнал голос мамы Эрин.

– Мы здесь, наверху! – крикнула Эрин, отпуская цепочку.

– Спускайтесь скорей. Мы опаздываем! – Голос мамы Эрин сделался строгим. – И вообще, что вы там делаете на чердаке?

– Ничего.

Эрин повернулась ко мне и пожала плечами.

– Все, я ухожу! – объявила Эйприл и бегом бросилась вниз по лестнице.

Мы последовали за ней по скрипучим деревянным ступеням.

– Зачем вы туда забрались? – спросила моя мама, когда мы шумной толпой ввалились в гостиную. – Там же пыльно, на чердаке. Даже странно, что вы не испачкались.

– Да мы просто смотрели, – сказал я.

– Мы играли со старым зеркалом, – встрял Левша. – Было очень прикольно.

– Играли с зеркалом? – Мама Эрин озадаченно посмотрела на нашу маму.

– До свидания! – Эрин взяла маму за руку и потащила к двери. – Спасибо, Макс. Классный был день рождения.

– Ага. Спасибо, – добавила Эйприл.

Я проводил их до двери. Дождь уже кончился. Я немного постоял на пороге и вернулся обратно в гостиную. Там был только Левша. Он опять забавлялся со своим мячом, подбрасывая его к потолку и пытаясь ловить за спиной. Первый же бросок оказался неудачным. Левша не сумел поймать мяч, тот отскочил от пола и угодил прямо в вазу с тюльпанами, что стояла на журнальном столике.

Зрелище было достойное!

Ваза разбилась вдребезги. Тюльпаны разлетелись во все стороны. Вся вода пролилась на ковер.

Мама мгновенно появилась в дверях гостиной. Она заломила руки, закатила глаза и произнесла что-то невнятное, обращаясь к небесам. Она всегда так делает, когда я или брат выводим ее из себя.

А когда мама разобралась, в чем дело, она принялась отчитывать Левшу, то и дело срываясь на крик:

– Сколько раз я тебя просила не играть с мячом дома?!

И все в том же духе.

Нормальный процесс воспитания, только на этот раз мама кричала чуть громче и чуть дольше обычного.

Левша забился в угол и попытался слиться с обоями. Он все твердил, что не нарочно и что просит прощения, но мама кричала так громко, что вряд ли его слышала.

Я мог бы поспорить на что угодно, что в тот момент Левша хотел лишь одного – стать невидимым.

Но чуда не произошло. Ему пришлось выслушать мамин выговор.

А потом мы с ним вдвоем помогли маме убрать «все это безобразие».

А еще через пять минут он опять как ни в чем не бывало возился с мячом в гостиной.

Вот такой у меня брательник. Жизнь его ничему не учит.

Следующие пару дней я вообще не вспоминал о зеркале на чердаке. У меня просто не было времени. В школе нас загрузили по уши. И мне еще приходилось ходить на эти дурацкие репетиции к весеннему концерту. Я всего лишь скромно пою в хоре, но мне все равно надо было присутствовать на всех репетициях.

В школе я часто виделся с Эрин и Эйприл. Но девочки ни разу не заговорили со мной о зеркале. То ли тоже забыли об этом странном происшествии с моим таинственным исчезновением, то ли просто боялись об этом вспоминать.

Потому что на самом деле там было чего пугаться.

Конечно, если они меня действительно не разыгрывали.

В среду вечером мне не спалось. Я лежал на кровати и смотрел в потолок, наблюдая за игрой теней. Обычно бессонницей я не страдаю. Но тут на меня что-то такое нашло. Я пытался считать овечек. Закрыв глаза и стал вести счет от тысячи.

Овечки не помогли. Спать не хотелось совершенно. Я был весь как заведенный. Причем неизвестно почему.

Как-то сами собой мои мысли обратились к зеркалу на чердаке.

Кто, интересно, поставил зеркало на чердак? И почему его спрятали в потайной комнатке за дверью, запертой на засов?

Чье это зеркало? Моих дедушки с бабушкой? Но зачем они убрали его так далеко? И знают ли мама с папой о том, что оно там стоит?

Я задумался о таинственном происшествии в субботу, в мой день рождения и попытался припомнить все до мельчайших деталей. Вот я стою перед зеркалом. Вот причесываюсь. Потом я берусь за цепочку у лампы. И дергаю. Потом – вспышка яркого света. А потом...

Видел ли я свое отражение в зеркале после того, как зажегся свет?

Я не мог вспомнить, как ни старался.

Видел ли себя? Свои руки? Ноги?

Хоть убей, я не мог вспомнить.

– Это была просто шутка, – сказал я вслух, сбрасывая одеяло.

Ничем другим это быть не могло.

Левша вечно пытается надо мной подшутить. Ему нравится выставить меня дураком. Мой братец вообще большой шутник. Сколько я его помню, он в жизни не был серьезным.

Тогда почему же теперь я готов допустить, что на этот раз он не шутил?

Потому что Эрин и Эйприл тоже утверждали, что я стал невидимкой?

Я встал с кровати еще прежде, чем сообразил, что я делаю.

Есть только один способ узнать, пытались они меня одурачить или же говорили правду. Я застегнул пижамную куртку, которая расстегнулась, пока я ворочался в постели, и нашел в темноте свои тапки.

Стараясь не шуметь, я выбрался в коридор.

В доме было темно. Только у двери в спальню Левши горел ночник. Левша – единственный в нашей семье человек, который встает по ночам в туалет. И он попросил маму с папой, чтобы они оставляли ему ночник в комнате и в коридоре. Он никак не желает отказываться от этой привычки, пусть даже при каждом удобном случае я смеюсь над ним и обзываю маленьким трусишкой.

Но сегодня я был очень рад, что в коридоре горит хоть какой-то свет, иначе мне пришлось бы пробираться к двери на чердак в полной темноте. Я старался ступать как можно тише, но у меня под ногами все же скрипнула половица. В таком старом доме, как наш, невозможно пройти бесшумно по коридору.

Я замер на месте, затаив дыхание. Напряженно прислушался.

Тишина.

Похоже, никто ничего не слышал.

Я секунду помедлил у двери на чердак. Сделал глубокий вдох и открыл дверь. Потом нашарил в темноте выключатель и включил свет. Поднимался я медленно, всем своим весом опираясь на перила. Я не хотел выдать себя громким скрипом ступеней.

Мне казалось, что этот подъем никогда не закончится. Но вот наконец я добрался до верхней ступеньки. Я постоял там пару секунд, дожидаясь, пока глаза не привыкнут к свету.

На чердаке было жарко. Воздух был настолько сухим и горячим, что у меня зашипало в носу. Мне вдруг захотелось уйти отсюда. Немедленно.

И я уже было собрался спускаться, как вдруг мой взгляд случайно упал на прямоугольник темноты – дверной проем, за которым была потайная комната. В субботу мы так торопились, когда уходили, что оставили дверь открытой.

Не сводя взгляда с непроницаемой темноты за распахнутой дверью, я едва ли не бегом направился туда. Под ногами у меня трещали и скрипели половицы, но я уже их не слышал.

Как будто что-то тянуло меня в открытый проем – в темную комнатку с таинственным зеркалом.

Мне надо было еще раз увидеть это странное зеркало.

Мне надо было выяснить правду.

Я вошел в комнату без колебаний и направился прямо к зеркалу. Остановившись около него, всмотрелся в свое отражение. На голове у меня было что-то вроде взрыва на макаронной фабрике, но меня это не трогало.

Я пристально изучал себя в зеркале, глядя прямо в глаза своему отражению. Потом отступил на шаг, чтобы рассмотреть себя с другой стороны.

В огромном зеркале я отражался весь – в полный рост. В отражении не было ничего необычного или зловещего. Самое что ни на есть нормальное отражение.

Я слегка успокоился. И только тогда до меня дошло, что все это время сердце у меня бешено колотилось, едва ли не выпрыгивая из груди. А руки были как ледышки.

– Спокойнее, Макс, – прошептал я себе под нос, наблюдая за тем, как тот, второй «я», в темном зеркале тоже шевелит губами.

Я сплясал перед зеркалом небольшой танец «диких туземцев», размахивая руками над головой и высоко задирая колени.

– Обычное зеркало, ничего в нем такого нет, – заявил я вслух.

Я протянул руку и коснулся ладонью стекла. Стекло холодило кожу, хотя в комнате было жарко. Я провел рукой по стеклу, потом погладил деревянную раму. Она была такой же холодной и гладкой, как и само зеркало.

Я окончательно успокоился. Это было обычное старое зеркало. Когда оно отслужило свое, его убрали на чердак и благополучно о нем забыли. Да и кто станет помнить о какой-то рухляди?!

Не отпуская раму, я зашел за зеркало. Мне было почти ничего не видно в темноте, но и с той стороны я не нашел ничего интересного.

Я снова встал перед зеркалом, едва ли не вплотную к нему, и протянул руку к цепочке. Но тут я увидел...

– Ой! – вырвалось у меня.

Потому что из нижней половины темного зеркала на меня смотрели два глаза.

6

У меня перехватило дыхание. Я в ужасе уставился на эти глаза, возникшие из ниоткуда в глубине зеркала.

Глаза смотрели прямо на меня. Темные и зловещие.

Вскрикнув от страха, я отвернулся от зеркала.

– Левша! – Я сам поразился тому, как слабо и хрипло прозвучал мой голос. Как будто кто-то меня душил.

Левша стоял на пороге и ухмылялся.

Только теперь до меня дошло, что глаза в зеркале, которые так меня напугали, – это отражение глаз моего брата.

Я подскочил к нему и схватил за плечи.

– Как ты меня напугал, идиот! – сдавленно выкрикнул я.

Он улыбнулся еще ехиднее.

– Сам ты идиот.

Мне хотелось его придушить. Тоже мне, шутник фигов.

– Чего ты так веселишься? Я едва заикой не сделался! – Я впечатал брата в стену.

Он лишь плечами пожал.

– И вообще, что ты здесь делаешь, на чердаке? – Я не на шутку разозлился.

Меня до сих пор пробивал озноб, как только я вспоминал об этих темных глазах, что смотрели на меня из зеркала. Ощущеньице не из приятных, можете мне поверить!

– Я слышал твои шаги. – Левша продолжал ухмыляться. – Мне не спалось. Я услышал, как ты вышел из комнаты. И пошел за тобой.

– Нечего тебе здесь делать, ночью на чердаке! – рявкнул я на него. – Ночью тебе надо спать.

– И тебе тоже, – выпалил он в ответ.

– Спускайся вниз и ложись в кровать, – сказал я.

Голос у меня стал нормальным, и я постарался придать ему строгую интонацию. Чтобы Левше было ясно, что сейчас со мной шутки плохи.

Левша даже с места не сдвинулся.

– Ага. Уже бегу.

Все-таки наглый у меня братец.

– Лучше бы ты не выпендривался, – сказал я. – Возвращайся к себе. Сейчас же.

– Уже бегу, – повторил он, упрямо поджав губы. – А если ты меня прогонишь, я папе с мамой нажалуюсь, что ты здесь торчишь.

Меня бесит, когда он начинает мне угрожать. И он это знает. Вот почему он все время грозит нажаловаться на меня папе с мамой. Он вообще-то не ябеда. Просто ему нравится меня доставать.

Иногда у меня возникает желание его пришибить.

Но мы живем в цивилизованном обществе.

Так нам всегда говорят папа с мамой, когда мы с Левшой затеваем очередную драку: «Немедленно прекратите. Как так можно? Мы же живем в цивилизованном обществе».

Отсюда вывод, что цивилизация – это не всегда благо.

Но как бы там ни было, я уже понял, что так просто мне от Левши не отделаться. Он намеревался остаться на чердаке и посмотреть, что я буду делать с зеркалом. А брат у меня – малый упрямый, как сто ослов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.